

ПОХИТИТЕЛИ ДЫМА

Самми
Трин

18+

Серьезная заявка на успех... Читай и не пожалеешь!

— *The Times*

Салли Грин. Мировой бестселлер

Салли Грин
Похитители дыма

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Грин С.

Похитители дыма / С. Грин — «Издательство АСТ»,
2018 — (Салли Грин. Мировой бестселлер)

ISBN 978-5-17-112376-5

Отважная принцесса, твердо намеренная идти своим путем. Солдат-идеалист, чье сердце противостоит долгу. Опытный охотник, выслеживающий самую опасную добычу. Очаровательный вор, не знающий о своем происхождении. Преданный слуга, жаждущий мести за свое королевство. Они не знают друг друга. Они живут в разных государствах. Их пути пересеклись совершенно случайно. Но война уже на пороге, и они должны справиться с запутанной сетью политических интриг, неустойчивых союзов и недозволенной любовью, чтобы раскрыть опасную правду о могущественном демоническом дыме и остановить неминуемую катастрофу.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112376-5

© Грин С., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Места и персонажи	6
Таш	8
Кэтрин	14
Эмброуз	24
Марш	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Салли Грин

Похитители дыма

Sally Green

The Smoke Thieves

© Sally Green 2018

© А. Ионов, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Для Инди

«Запрещается покупать, торговать, приобретать или какими-либо иными способами получить, вдыхать, глотать или любыми другими способами использовать демонический дым».

Законы Питории, т. 1, п. 43.1

Места и персонажи

Бригант

Агрессивная, воинственная страна

Бригант, столица

Норвенд, регион на севере Бриганта

Филдинг, маленькая деревушка на северо-западном побережье, где Нойес задержал леди Анну

Замок Тарасент, родовое гнездо маркиза Норвендского

Алоизий, король Бриганта

Изабелла, королева Бриганта

Борис, первенец Алоизия

Кэтрин, дочь Алоизия, шестнадцать лет. Помолвлена с принцем Цзяном из Питории

Гарольд, второй сын Алоизия

Нойес, придворный инквизитор

Сара, Джейн и Таня, служанки Кэтрин

Питер, виконт Лэнг, Дирк Ходжсон, сир Эван Уолкотт, члены Королевской гвардии

Маркиз Норвендский, аристократ с севера Бриганта

Таркин, старший сын маркиза Норвендского

Эмброуз, второй сын маркиза Норвендского, член Королевской гвардии

Леди Анна, дочь маркиза Норвендского, казнена как предательница

Сир Освальд Пенс, друг леди Анны, ныне покойный

Калидор

Маленькая страна к югу от Бриганта

Калия, столица

Абаск, маленький горный регион, опустошенный во время войны между Калидором и Бригантом. Местные жители отличались льдисто-голубыми глазами

Телоний, принц Калидора, младший брат короля Алоизия Бригантского

Лорд Риган, старый друг принца

Марш, слуга принца Телония, урождённый абаск, шестнадцать лет

Холивелл, абаск по рождению. Работает на короля Алоизия. Решала, шпион, убийца

Джулиен, старший брат Марша, ныне покойный

Питория

Большая, богатая страна, славящаяся своими танцами. Мужчины здесь красят волосы, чтобы показать свою принадлежность. Виссун – белый цветок, который растёт на всей территории страны.

Торния, столица

Северное плато, холодный, закрытый для посещения регион, где живут демоны

Чаррон, портовый город
Вестмаут, портовый город
Дорнан, рыночный город
Правонт, лес на краю территории демонов
Россарб, северный порт с небольшим замком
Лейдейл, дом лорда Фэрроу

Арелл, король Питории
Цзян, сын Арелла, жених Кэтрин, двадцать три года
Сир Роулэнд Хупер, бригаантийский посол в Питории
Лорд Фэрроу, могущественный лорд, не доверяет Кэтрин и всем бригаантийцам
Рафион, один из телохранителей принца, его доверенное лицо
Гератан, танцор
Грэвелл, охотник на демонов
Таш, помощница Грэвелла, родилась в Илласте, тринадцать лет
Эрин Фосс, торговка
Эдион, сын Эрин, бастард, семнадцать лет
Мадам Эрут, предсказательница судьбы

Илласт

*Страна по соседству с Питорией, где женщины имеют равные права с мужчинами:
могут заниматься бизнесом и владеть имуществом*

Валерия, в далёком прошлом королева Илласта

Таш

Северное плато, Питория

– Всё готово?

– Нет. Это всё плод твоего воображения, а я весь день ела мёд и бездельничала.

Таш поправила верёвку, чтобы её узловатый конец свешивался над дном ямы на высоте вытянутой руки.

– Чутьочку ниже, – попросил Грэвелл.

– Я не слепая!

– Тебе следует провериться.

Таш повернулась к Грэвеллу:

– Я знаю, что делаю!

Когда дело доходило до этой стадии, Грэвелл всегда становился серьёзным и придирчивым, и только сейчас Таш поняла, что причиной подобного поведения был страх. Девушке тоже было страшно, а мысль о том, что и Грэвелл трусит, тревожила еще больше.

– Значит, не нервничаешь, да? – спросила она.

– С чего бы мне нервничать? – пробормотал Грэвелл. – Тебя он поймает первой. Пока он с тобой расправится, я успею унести ноги.

Разумеется, это правда. Таш была наживкой. Она заманивала демона в ловушку, а затем Грэвелл его убивал.

Таш было тринадцать. Она играла роль наживки для демона с тех самых пор, как Грэвелл четыре года назад выкупил девочку у её семьи. Он появился одним солнечным днём, и Таш в жизни не встречала более крупного и волосатого человека. Он сказал, что слышал, будто здесь живёт девочка, которая очень быстро бегает. Он пообещал дать Таш пять копеек, если она успеет добежать до деревьев прежде, чем брошенный им гарпун воткнётся в землю. Таш подумала, что здесь скрывается какой-то обман – кому ещё вздумается платить за то, чтобы понаблюдать, как она бегает, но пять копеек были приличной суммой. Так что она всё равно побежала, по большей части затем, чтобы показать, на что способна. Она не вполне представляла себе, как поступит с деньгами – прежде у неё никогда не было на руках больше одного копейки, и девочке нужно было спрятать монетки прежде, чем братья отнимут их у неё. Ей не следовало волноваться – в тот же день она покинула отчий дом. Позже Грэвелл сказал, что дал её отцу десять кронеров. «Дороговато», – поддразнивал он её. Неудивительно, что отец Таш так улыбался, когда она уходила.

Теперь Грэвелл заменил ей семью, причем, на взгляд Таш, он справлялся с этой обязанностью лучше её кровных родственников. Он никогда не бил её, девочка редко голодала, и хотя Таш временами мёрзла, такова уж была суть её работы. И в первый же день совместных странствий Грэвелл вручил ей ботинки. Да, по сравнению с прежней, жизнь с Грэвеллом была хороша и изобильна. За демонический дым платили хорошие деньги, хотя демоны встречались редко и были крайне опасны. Вся затея с убийствами демонов и продажей дыма была полностью незаконна, но, если они не высывались, люди шерифа не доставляли им хлопот. Грэвеллу и Таш обычно удавалось убивать по четыре-пять демонов за сезон, вырученных за них денег хватало на весь год. Когда они приезжали в город, то останавливались в корчмах, спали в постелях, принимали ванну, а главное, теперь у Таш были сапоги. Уже целых две пары!

Таш любила свои сапоги. Её обычные ежедневные сапоги были из толстой кожи с солидными подошвами. Они хорошо подходили для ходьбы и путешествий, не жали и не натирали ноги. У Таш не было мозолей, а сапоги, на её взгляд, пахли хорошо. По крайней мере, аромат солидной кожи был приятнее запаха застарелого пота, который источали сапоги Грэвелла.

Сейчас на ногах Таш была вторая пара сапог, которую она получила в Дорнани несколько месяцев назад. Эти сапоги были созданы для бега и идеально ей подходили. Подошвы были усыяны острыми металлическими шипами, чтобы она могла надежно цепляться за поверхность и быстро стартовать. Грэвелл придумал фасон сапог и даже заплатил за них – два кронера, огромная сумма за пару ботинок. Когда Таш надела их в первый раз, он сказал: «Заботься о них, и они позаботятся о тебе».

Таш заботилась о них, и она совершенно определённо не хотела быть неблагодарной. Но больше всего на свете она хотела, просто жаждала – ботильоны. Когда Грэвелл сказал, что припас для неё нечто особенное, она сразу же подумала о них. Девушка видела эти ботильоны в окне лавки сапожника в Дорнани и несколько раз говорила о них Грэвеллу. Это были самые красивые, нежные замшевые полусапожки бледно-розового цвета. Они были настолько изящны, что, казалось, были сделаны из ушей кролика.

Когда Грэвелл показал ей сапоги с шипами и сказал, что сам придумал эту конструкцию, Таш, как ей самой показалось, очень убедительно притворилась крайне довольной. Она убеждала себя не расстраиваться. Всё получится. Шипованные сапоги помогут ей в этой охоте, а на деньги, вырученные за убитого демона, она сама сможет купить розовые замшевые ботильоны.

И скоро они получат своего первого демона.

Грэвелл отыскал логово первого демона всего за неделю. Он выкопал яму, хотя теперь Таш сама возводила и проверяла механизм для побега и даже близко не подпускала к нему Грэвелла.

Охотник научил Таш быть осторожной и дважды всё перепроверять. Она провела пробный пробег. Отойдя от ямы на сотню шагов, она пробежалась сквозь деревья, набирая скорость там, где на земле было совсем мало снега. Затем устремилась на небольшую прогалину, где снега было больше, но она утрамбовала его до хрустящей корочки, так что теперь там можно было бежать на полной скорости. Она отталкивалась ногами от земли, наклоняясь вперёд, шипы давали опору, но не задерживали её, после Таш перемахнула через край ямы, с хрустом приземлилась на ледяное дно, присев на колени, но моментально выпрямилась, добежала до конца и... принялась ждать.

Ожидание. Эта часть давалась ей тяжелее всего. Это было самое страшное время во всей работе. Мозг отчаянно приказывает тебе схватиться за верёвку, но ты не можешь этого сделать – тебе нужно дождаться, пока демон спустится вниз. И только когда он уже будет внизу, когда он коснётся дна, закричит, завершит и устремится к тебе, только тогда можно было схватиться за верёвку и нажать на подъёмный механизм.

Таш потянула за верёвку, налегла на неё всем своим весом, поставила ногу на нижний, самый толстый узел. Деревянный привод поддался, и Таш взлетела вверх так же естественно и лениво, словно зевок. Она так владела своим телом, что её пальцы едва касались верёвки. В верхней точке своего полёта она остановилась и повисла в воздухе, абсолютно свободная, затем девушка отпустила верёвку, наклонилась вперед и потянулась к ели, широко распахнув руки и обнимая ветви. На какое-то время она задержалась там, затем привычно соскользнула вниз. Оцарапав лицо о шишку, она приземлилась почти по колено в снег, который сама же сюда и натаскала.

Таш вернулась обратно, чтобы перезарядить ловушку. Вокруг ямы была навалена земля с отпечатками многочисленных следов. Ей придётся почистить подошвы сапог, чтобы убедиться, что они не засорились грязью.

– У тебя кровь.

Таш коснулась щеки рукой и увидела на пальцах кровь. Когда демоны чувят кровь, они становятся агрессивнее. Девушка облизала пальцы и произнесла:

– Давай уже заканчивать с этим.

Она схватила верёвки и взвела на место привод, довольная тем, что сделала всё как надо. Привод работал без осечек. Это была хорошая яма. Грэвелл копал её три дня, и яма получилась длинной, узкой и глубокой. Прошлой ночью они с Таш обливали покатые склоны водой до тех пор, пока на дне не образовался слой воды глубиной в две ладони. Утром вода основательно замёрзла и превратилась в крепкий, скользкий лёд. Из ямы всё ещё можно было выкарабкаться – демоны вообще хорошо карабкались куда-либо – и Грэвелл годами пытался изобрести новые методы, при которых стены ямы также покрывались бы льдом. Но ещё ни разу ему не удавалось добиться такого успеха. Поэтому они поступят так, как всегда поступал Грэвелл, и покрасят склоны ямы смесью из животной крови и потрохов. Эта смесь пахла достаточно сильно и отвратительно, чтобы отвлечь и сбить демона с толку, давая Грэвеллу время метнуть свои гарпуны. У охотника было пять длинных гарпунов, хотя обычно для того, чтобы прикончить демона, требовалось всего три. Все гарпуны были сделаны по особому заказу, в каждый были встроены металлические зубцы, так что их нельзя было просто взять и вытащить из раны. Демон будет кричать и верещать, настолько страшно, что Таш всякий раз приходилось напominать себе: если бы демон настиг её, он поступил бы с ней куда хуже.

Девушка посмотрела на небо. Солнце всё ещё стояло высоко. На демонов обычно охотились на закате. Таш чувствовала, как её желудок начинает скручиваться в узел от нервов. Она просто уже хотела покончить со всем этим. Грэвеллу ещё нужно было покрыть склоны ямы требухой, после чего он заляжет в укрытие в ближайших кустах и примется ждать. Только когда он увидит, как демон прыгает в яму, он выскочит из засады, держа в руках гарпуны. Точность в этом деле решала всё, и за эти годы они довели процесс практически до автоматизма. Но это Таш рисковала своей жизнью, это Таш привлекала к себе демона, это Таш надлежало решить, когда ей стоит начинать бежать, чтобы приманить к себе демона, это Таш предстояло обогнать демона, запрыгнуть в яму и затем, в самый последний момент, ухватиться за верёвку и выскочить наружу.

Конечно, демон мог не прыгать в яму и напасть на Грэвелла. Но подобное за все четыре года их совместной охоты случилось лишь однажды. Таш не была уверена, что же именно случилось в тот день, а сам Грэвелл предпочитал не вспоминать об этом. Она заскочила в яму и принялась ждать, но демон не стал прыгать следом. Она услышала окрик Грэвелла, затем высокий визг демона, затем наступила тишина. Девушка не знала, как быть. Если демон был мёртв, почему Грэвелл не окликнул её? Означал ли вопль демона, что он ранен? А может, он закричал, когда набросился на Грэвелла и убил его? Неужели демон молчит потому, что пирует на теле её напарника? Не стоит ли ей убежать, пока демон лакает кровь Грэвелла? Она всё ждала и смотрела на небо над склонами ямы, а затем поняла, что хочет писать. А ещё плакать.

Она всё ждала, держась за верёвку, но ей было слишком страшно, чтобы пошевелиться. Наконец, она что-то услышала, скрипнул снег, а затем вниз долетел голос Грэвелла: «Ну ты вообще собираешься вылезать в этом году?» Таш дернула за привод, но её рука окоченела от холода и так тряслась, что ей потребовалось некоторое время, чтобы выбраться наружу, и когда она всё-таки выбралась наверх, охотник уже костерил девушку последними словами. Когда Таш оказалась наверху, она с удивлением отметила, что Грэвелл даже не ранен. Когда она произнесла: «А ты не умер», он рассмеялся, а затем затих и произнёс: «Долбанные демоны».

– Почему он не спустился в яму?

– Не знаю. Может, меня увидел. Почуял меня. Почувствовал что-нибудь... ну или что они там делают.

Демон лежал в пятидесяти шагах от ямы. В его теле торчал всего один гарпун. Убегал ли Грэвелл, или же это демон удирал от него? Она спросила, и Грэвелл ответил лишь, что «Мы оба драпали со всех ног». Остальные гарпуны торчали в снегу между ними, словно бы Грэвелл швырял их в демона и раз за разом промахивался. Грэвелл только покачал головой и сказал: «Ты словно пытаешься загарпунить рассерженную осу».

Демон был не крупнее Таш, сплошь кожа да сухожилия – вообще ни капли жира. Он напомнил девушке о старшем брате. Его кожа была скорее фиолетового цвета, чем красно-оранжевого – вечернего окраса более крупных особей. В течение дня его тело сгниёт и расплавится, издавая при этом сильный и насыщенный запах, но затем на земле даже пятна не останется. Крови не будет, у демонов не бывает крови.

– Ты достал дым? – спросила Таш.

– Нет. Я был немного занят.

Дым выходил из тела демона после его смерти. Таш задумалась, чем же таким важным был занят Грэвелл, но она понимала, что он был на волосок от смерти. Девушка видела, что руки охотника до сих пор трясутся. Она представила, как он убил демона и пытался подставить бутылку, чтобы поймать дым, но его руки тряслись слишком сильно.

– Он был красивым?

– Очень. Фиолетовый. Немного красный и самую малость оранжевый поначалу, но затем весь фиолетовый до самого конца.

– Фиолетовый. – Хотелось бы Таш увидеть его. Им было нечем продемонстрировать плоды своей работы: все эти недели выслеживания, а затем дни подготовки и рытья ям. Нечего показывать, кроме своих жизней и рассказов о красоте демонического дыма.

– Расскажи мне ещё про дым, Грэвелл, – попросила Таш.

И Грэвелл рассказал ей о том, как дым сочился изо рта демона – после того, как демон перестал верещать.

– Мало дыма в этот раз, – добавил охотник. – Маленький демон. Молодой, наверное.

Таш кивнула. Они зажгли костёр, чтобы согреться, а утром они наблюдали за тем, как тело демона кукожится и исчезает. Затем они направились на поиски следующего.

Сегодняшний демон был первым за этот сезон. Они не охотились зимой, потому что условия были слишком суровыми, снега слишком глубокими, а стужа слишком колючей. Они поднимались на Северное плато, как только снега начинали таять, хотя этой зимой сначала пришла весна, затем на несколько недель вернулась зима, и в тени и лощинах по-прежнему стоял глубокий снег. Грэвелл отыскал логово демона и подобрал лучшее место для ямы. Теперь охотник опустил вниз котелок с кровью и потрохами, а затем спустился вниз по лестнице, чтобы размазать содержимое котелка по стенам. Таш не приходилось заниматься этим, Грэвелл никогда не просил об этом девушку – это была его работа, и он гордился этим. Он не собирался погубить недели подготовки, недостаточно хорошо выполнив эту последнюю задачу.

Таш села на свой рюкзак и принялась ждать. Девушка закуталась в меховую накидку, устала на деревья вдали и попыталась больше не думать о демонах и яме. Вместо этого она принялась размышлять о том, что делать дальше. Они отправятся в Дорнан и продадут там демонический дым. Торговля дымом была запрещена законом, всё, связанное с демонами, находилось вне закона, даже простое появление на принадлежащей демонам территории являлось преступлением. Но это не останавливало людей, подобных ей и Грэвеллу, от охоты на демонов, и уж точно это не останавливало людей, желающих приобрести демонический дым.

А как только девушка получит свою долю награды, она сможет купить эти ботильоны. До Дорнана неделя пути, но путешествие было простым, а затем они смогут насладиться теплом, отдыхом и хорошей пищей прежде, чем настанет пора возвращаться на плато. Таш как-то спросила Грэвелла, почему он не убивает больше демонов и не собирает больше дыма, добавив: «Саутгейт, Баньон и Йоден каждый год ловят вдвое больше нас». Но Грэвелл ответил: «Демоны – зло, но и алчность тоже зло. Нам хватает». И жизнь действительно была вполне себе хороша, до тех пор, пока Таш бегала быстро.

Наконец, Грэвелл выбрался из ямы, вытащил лестницу и убрал всё из виду. Таш утащила свой рюкзак подальше в деревья. Когда с этим было покончено, подготовка была завершена. Грэвелл в последний раз обогнул яму по кругу, бормоча себе под нос «Ага, ага, ага».

Он подошёл к Таш и произнес:

– Ну, хорошо тогда.

– Ну, хорошо тогда.

– Не облажайся уж, девчуля.

– Ты тоже.

Они соприкоснулись сжатыми кулаками.

Слова и удар кулаком о кулак были ритуалом на удачу, хотя Таш, на самом деле, не верила в удачу и была совершенно уверена, что и Грэвелл в неё не верит. Но девушка не собиралась отпрапляться на охоту на демона, не заручившись всей возможной поддержкой.

Солнце опустилось ниже. Совсем скоро оно скроется за верхушками деревьев. Лучше времени для того, чтобы выманить демона наружу, и не придумаешь. Таш побежала на север, сквозь редкие деревца, к прогалине, которую они с Грэвеллом нашли десять дней назад. Ну, как они... Грэвелл нашел её. В этом скрывался его настоящий талант. Любой смог бы вырыть яму и затем размазать по её стенам потроха. Своим умением убивать демонов при помощи гарпуна мужчина был обязан своим размерам и силе, но по-настоящему особенным Грэвелла делало его терпение, его инстинктивная способность находить места, в которых жили демоны. Демоны предпочитали узкие лощины на ровной земле – не слишком близко к деревьям, вокруг которых стущался туман. Демоны любили холод. Они любили снег. И совершенно не любили людей.

Раньше Таш постоянно расспрашивала Грэвелла о демонах, но сейчас она, скорее всего, знала о них столько, сколько вообще можно узнать о существах из другого места. И о том, что это за место. Это было место из другого мира, подумала она, а может, наоборот, как раз из этого мира, из далекого прошлого этого мира. Таш заглядывала туда, она видела землю демонов, в этом и заключалась её работа. Для того чтобы выманить демона наружу, она должна была заглянуть туда, куда ей не позволялось заглядывать, куда не решались наведываться люди. И демоны убили бы её за попытку заглянуть в их мир, в их истерзанный и мрачный мир. Он не был тёмным, скорее, там было другое освещение, источник света там был красным, да тени были красноватого оттенка. Там не было деревьев или растений, лишь красные скалы. Воздух там был теплее и гуще, а ещё там были звуки.

Таш подождала, пока солнце наполовину скроется за холмами, а небеса только начнут потихоньку окрашиваться в красный и оранжевый. В изящных лощинах начинал клубиться туман. Он появился и в той лощине, где скрывался демон. Эта лощина была несколько глубже соседних, но, в отличие от остальных, в ней совсем не было снега, да в это время суток туман был несколько красного оттенка. Можно было подумать, что виной тому был закат, но Таш знала, что это не так.

Девушка медленно приблизилась к краю лощины и присела на корточки. Пальцами очистила шипы на своих сапогах, потрогала землю, не теплую, но и не промерзшую насквозь – это была граница территории демона.

Она поглубже вцепилась сапогами в землю и глубоко вздохнула, словно собираясь нырнуть в воду. В каком-то смысле так оно и было. Таш опустила голову, а затем с открытыми глазами наклонилась вперёд, её грудь коснулась земли, словно она пыталась проскользнуть в лощину, в мир демона, за занавесом.

Иногда это удавалось только со второй или третьей попытки, но сегодня ей потребовалась всего одна. Земля демона простиралась перед ней, низина быстро превращалась в туннель, но это было не единственное отличие от мира людей. Здесь, во владениях демона, цвета, звуки и температуры воспринимались иначе, словно бы Таш смотрела в жаровню сквозь цветное стекло. Описать цвета было тяжело, но описать звуки – невозможно.

Таш скользнула взглядом по красной лощине, заглянула в начало туннеля, и там, в самом низу, она заметила нечто фиолетовое. Нога?

Чуть позже девушка смогла понять, что конкретно она увидела. Он – оно – развалился на животе, выставив одну ногу в сторону. Таш различила туловище, руку и голову. Форма тела напоминает человеческую, но это не человек. Гладкая кожа обтягивает бугристые мускулы, раскрашенная в фиолетовый и красный она усыпана длинными и узкими полосами оранжевого. Демон казался юным, словно нескладный подросток. Его живот мерно вздымался с каждым вздохом. Он спал.

Всё это время Таш задерживала собственное дыхание, и сейчас она выпустила весь запас воздуха. Иногда большего и не требовалось: её дыхания, её запаха было достаточно, чтобы привлечь внимание демона.

Демон не пошевелился.

Таш вдохнула воздух, сухой и горячий. Затем выкрикнула свой клич: «Эй, демон! Я тебя вижу». Но её голос здесь звучал иначе. Здесь слова обращались в звуки цимбал и гонгов.

Голова демона поднялась и медленно повернулась в сторону Таш. Одна нога пошевелилась, согнулась в колене и поднялась в воздух, совершенно расслабленная, несмотря на вторжение. У демона были фиолетовые глаза. Он уставился на Таш, а затем моргнул. Его нога по-прежнему неподвижно висела в воздухе. Затем он откинул голову назад, опустил ногу, открыл рот и вытянул шею, чтобы закричать.

Звонкий звук ударил Таш по ушам. Демон вскочил на ноги и бросился вперёд, разинув фиолетовый рот. Но Таш тоже не стояла на месте, она сильно оттолкнулась шипами от земли, развернулась в воздухе и вернулась из демонического мира обратно на склон лощины в мире людей.

А затем она побежала.

Кэтрин *Бриган, Бригант*

«Нет большего зла, чем предатели. Все предатели должны быть найдены, разоблачены и наказаны».

Законы и порядки Бриганта

– Принц Борис послал стражника, чтобы сопроводить нас туда, ваше высочество. – Судя по тону и внешнему виду Джейн, её новая служанка, была в ужасе.

– Не переживай. Тебе не придётся смотреть, – принцесса Кэтрин разгладила юбку и глубоко вздохнула. Она готова.

Они двинулись в путь. Стражник шёл впереди, Кэтрин посередине, а Джейн замыкала процессию. В коридорах на женской половине дворца было тихо и безлюдно, даже тяжелые шаги стражника на толстых коврах звучали приглушённо. Но когда они вошли в центральный зал, то словно бы очутились в ином мире, мире, полном мужчин, ярких красок и шума. Кэтрин так редко попадала в этот мир, что хотела впитать его в себя целиком. Кроме неё здесь не было других женщин. Все лорды были облачены в кирасы, увешаны мечами и кинжалами, словно бы они не осмеливались показаться при дворе иначе как во всеоружии. Повсюду стояли многочисленные слуги и все, казалось, говорили, смотрели, переходили с места на место. Принцесса не увидела ни одного знакомого лица, зато мужчины узнавали её и, учтиво кланяясь, расступались, позволяя девушке пройти. Шум вокруг затихал и набирал силу только за её спиной.

А затем она очутилась у другой двери, открытой для неё стражником.

– Принц Борис просил подождать его здесь, ваше высочество.

Кэтрин вошла в коридор, жестом велев Джейн подождать возле уже закрывшейся двери.

Вокруг стояла тишина, но девушка слышала, как яростно бьётся её сердце. Она сделала глубокий вздох и медленно выдохнула.

«Спокойней, – мысленно напутствовала себя она, – сохраняй достоинство. Веди себя как принцесса».

Девушка выпрямилась и сделала ещё один глубокий вдох. Затем медленно прошла до противоположного края комнаты.

«Это будет мерзко. Это будет кроваво. Но я не шелохнусь. Я не упаду в обморок. И уж совершенно точно я не буду кричать».

И обратно.

«Я буду себя контролировать. Я не выдам ни единой эмоции. Если станет совсем плохо, я начну думать о чём-нибудь отвлечённом. Но о чём? О чём-то прекрасном? Но это будет неправильно».

И туда.

«О чём можно думать, когда ты наблюдаешь за тем, как кому-то отрубают голову? И не кому-то, а Эмб...»

Кэтрин обернулась, и там, в углу комнаты, прислонившись к стене, каким-то образом оказался Нойес.

Они редко встречались, но всякий раз, как принцесса видела Нойеса, она была вынуждена подавлять дрожь. Это был стройный, атлетично сложенный мужчина примерно одного возраста с её отцом. Сегодня он был по всей моде разряжен в кожу и пряжки, его, практически белые, доходящие до плеч, волосы были зачёсаны назад и собраны в изящные косички и простой узел. Но несмотря на всё это, было в нём нечто отталкивающее. Возможно, всё дело было в его репутации. Нойес – мастер-инквизитор, занимался розыском и поимкой предателей. В большинстве случаев он не убивал пленников сам, это входило в обязанности его истязателей и

палачей. За семь лет, прошедших с момента войны с Калидором, дела Нойеса и ему подобных пошли в гору, в отличие от большинства бригаантийских предприятий. Никто не был защищён от его пристального внимания, никто: от мальчишки на конюшне до лорда, от служанки до леди и даже до принцессы.

Нойес плечом оттолкнулся от стены, лениво шагнул ей навстречу, медленно поклонился и произнёс:

– Доброе утро, ваше высочество. Разве сегодня не чудесный день?

– Для вас – несомненно.

Инквизитор улыбнулся своей полуулыбкой и не двинулся с места, изучая её.

– Вы ждёте Бориса? – спросила Кэтрин.

– Я просто жду, ваше высочество.

Воцарилась тишина. Кэтрин смотрела через высокие окна на голубое небо. Нойес не сводил с неё взгляд, и принцесса чувствовала себя овечкой на рынке... нет, скорее даже мерзким насекомым, ползущим у него под ногами. Девушка пересилила желание закричать и потребовать, чтобы он оказал ей хоть какое-то уважение.

Кэтрин резко отвернулась от него, мысленно убеждая себя сохранять спокойствие. После семнадцати лет практики ей хорошо удавалось скрывать свои эмоции, но в последнее время это стало значительно сложнее. В последнее время эмоции угрожали взять над ней верх.

– А, сестра, ты здесь, – произнёс Борис, заходя в помещение, принц Гарольд следовал за ним по пятам. В кои-то веки Кэтрин была рада увидеть своих братьев. Она присела в реверансе. Борис пересёк комнату, проигнорировав Нойеса и не удостоив сестру даже кивком. Не останавливаясь, он прошёл мимо, бросив на ходу:

– Твоя служанка останется здесь, ты идёшь со мной.

Борис распахнул двустворчатые двери во двор замка и произнёс:

– Ну же, принцесса, поторопитесь.

Кэтрин поспешила следом за братом, но двери захлопнулись прямо перед её носом. Распахнув их, она с облегчением заметила, что Борис всё-таки остановился. Возвышающийся перед ними эшафот, высотой со стену розария, почти полностью преградил им дорогу.

Борис усмехнулся:

– Отец велел, чтобы все получили хороший обзор, но клянусь, они вырубili целый акр леса, чтобы возвести вот это.

– Ну, я вообще не понимаю, зачем она должна смотреть. Это зрелище не для девчонок, – заявил Гарольд, уперев руки в бока, широко расставив ноги и уставившись на сестру.

– И всё же детям разрешено смотреть, – ответила Кэтрин, скопировав его позу.

– Мне четырнадцать, сестра.

– Только через два месяца, мой маленький братец, – прошептала Кэтрин, проходя мимо, – но я никому не скажу.

– Скоро я буду выше тебя, – проворчал Гарольд, затем протолкался мимо сестры и поспешил за Борисом. Следуя за широкой фигурой старшего брата, он казался особенно маленьким и лёгким. Они явно были братьями – светло-рыжие волосы совершенно одинакового оттенка, хотя Гарольд щеголял с куда более сложной причёской. Кэтрин с удивлением отметила, что кто-то точно уделил волосам Гарольда больше времени, чем служанки потратили на её причёску.

И всё же, мнение Гарольда о необходимости присутствия Кэтрин имело не больше значения, чем её собственное. Девушке велел посетить казнь её собственный отец по совету Нойеса. Кэтрин должна была показать себя. Доказать свою силу и преданность, и, важнее всего, доказать, что она не предатель: ни в сердце, ни в душе, ни в делах.

Борис уже огибал угол эшафота. Кэтрин поспешила за ним, приподняв свою длинную юбку, чтобы не споткнуться. Хотя девушка ещё не видела толпы, она уже слышала её низкий гул. Это странно, как принцесса могла почувствовать толпу, почувствовать её настроение. Ари-

стократы в зале внешне были вежливы, но сами едва могли скрывать жажду, жажду власти... жажду всего. Здесь же собралась огромная толпа, и люди пребывали на удивление в хорошем настроении. Раздалось несколько возгласов «Борис», но крики быстро затихли. Сегодня был не день её брата.

Борис повернулся и уставился на присоединившуюся к нему Кэтрин.

– Хочешь показать черни свои ноги, сестричка?

Кэтрин опустила юбку, разгладила ткань и самым отталкивающим тоном произнесла:

– Бульжники грязные. Они бы испортили шёлк.

– Лучше шёлк, чем твою репутацию, – Борис не сводил с девушки взгляда, – я лишь забочусь о тебе, сестрица. – Он махнул рукой в сторону, где возвышалась покрытая королевским красным платформа, и произнёс: – Это для нас.

Можно подумать, Кэтрин сама не могла догадаться.

Борис первым преодолел три ступеньки. Королевская ложа была довольно простой. Внутри в один ряд выстроились широкие, резные деревянные стулья, знакомые Кэтрин по залу для собраний. Между короткими красно-чёрными столбиками, определяющими края платформы, свободно свисала толстая красная верёвка. За платформой стояла толпа, и она тоже удерживалась верёвкой (уже не красной, но толстой, грубой и коричневой) и цепочкой королевских гвардейцев (одетых в красные, чёрные и золотые доспехи, небось такие же толстые и грубые, предположила Кэтрин).

Борис указал на ближайшее к дальнему краю платформы сиденье.

– Вот твое место, сестрица.

Сам он уселся на соседний стул и широко расставил ноги, его мускулистое бедро доходило до сиденья Кэтрин. Девушка села рядом, аккуратно поправила юбку таким образом, чтобы она не задиралась, а бледно-розовый шёлк упал на колено брата. Борис убрал ногу.

Гарольд остался стоять по другую сторону от Бориса.

– Но у Кэтрин будет лучший обзор.

– В этом вся суть, малявка, – ответил Борис.

– Но я стою выше Кэтрин, и я хочу сидеть там.

– Ну, это я дал ей это место, так что садись сюда и кончай ныть.

Гарольд смешался на мгновение. Он открыл было рот для новой жалобы, но наткнулся на взгляд Кэтрин. Девушка улыбнулась и сделала изящный жест пальцами, будто сшивала свои губы. Младший брат покосился на Бориса, поджал губы, но промолчал.

Кэтрин огляделась. Прямо напротив, с противоположной стороны эшафота, возвышалась ещё одна платформа, на которой толпилась знать. Девушка узнала длинные светлые волосы Эмброуза и быстро отвела взгляд в сторону, гадая, не успела ли покраснеть. Почему от одного вида Эмброуза её бросило в жар, а щёки озарил румянец? Причём именно в такой день! Ей нужно было подумать о чём-то ещё. Казалось, иногда вся её жизнь сводилась к необходимости подумать о чём-то ещё.

Пространство перед эшафотом было забито обычными людьми. Кэтрин уставилась на толпу, заставляя себя сфокусироваться на ней. Там были неряшливо одетые рабочие, немногим лучше выглядевшие торговцы, группки молодых людей, несколько мальчишек, пара женщин. Все они, по большей части, были одеты крайне неряшливо, некоторые и вовсе в лохмотьях. Волосы или распущены, или собраны в простые пучки. Поблизости с ней собравшиеся говорили о погоде. Уже было достаточно жарко, стоял самый жаркий день в году, небо было чистого бледно-голубого цвета. Такими днями нужно наслаждаться, и всё же сотни людей предпочли прийти сюда полюбоваться, как кто-то умрёт.

– Как ты думаешь, брат мой, что заставляет всех этих людей наблюдать за казнью? – спросила Кэтрин самым искренним тоном.

– А ты не знаешь?

– Просвети меня. Ты гораздо опытнее в таких делах.

Борис ответил чересчур искренним тоном:

– Что же, сестрица. Святая троица объединяет чернь и заставляет прийти сюда. Скука, любопытство и жажда крови. И сильнее всех трёх жажда крови.

– И ты полагаешь, что жажда крови усиливается в случае, когда благородную голову должны оттяпать от благородного тела?

– Они просто жаждут крови, – ответил Борис, – любой.

– И всё же всё выглядит так, будто этим людям гораздо интереснее обсуждать погоду, чем обсуждать преимущества располонивания людей.

– Им не нужно это обсуждать. Им нужно это увидеть. Вскоре они перестанут обсуждать погоду. Когда узника выведут на помост, ты поймёшь, что я имею в виду. Сброд жаждет крови, и сегодня он получит её. А ты получишь урок: что случается с теми, кто предаёт короля. Этому по книгам не научишься.

В голосе Бориса звучало презрение. Кэтрин отвернулась. Именно так девушка и познавала жизнь – по книгам. Можно подумать, это она виновата в том, что ей не позволяли общаться с людьми, путешествовать и познавать мир посредством взаимодействия с этим самым миром. Но Кэтрин нравились книги, и в предыдущие несколько дней она обшарила всю библиотеку в поисках любой информации, так или иначе связанной с казнями – она изучала законы, методы, историю и многочисленные примеры. Ей хватило одних только иллюстраций, на которых, по большей части, были изображены палачи, держащие в руках отрубленные головы. Это было довольно ужасно. Но чтобы принять осознанное решение прийти и понаблюдать за казнью, стать частью происходящего, стать частью толпы, жаждущей крови... этого Кэтрин понять не могла.

– Я всё ещё не понимаю, зачем Кэтрин в принципе нужно здесь быть, – пожаловался Гарольд.

– Разве я не приказал тебе заткнуться? – ответил Борис, даже не потрудившись повернуться к брату.

– Но леди обычно не приходят наблюдать за казнью.

– Обычно – нет, – не удержался от ответа Борис, – но Кэтрин нужно преподать урок верности. Она должна понять, какими будут последствия, если она решит не выполнять те планы, которые мы уготовили для неё. – Брат повернулся к девушке и добавил: – Во всех подробностях. До мельчайшей детали.

Гарольд нахмурился:

– Какие планы?

Борис не удостоил его ответом. Гарольд закатил глаза, наклонился к сестре и спросил:

– Всё дело в твоём замужестве?

Губы Кэтрин расплылись в тонкой улыбке.

– Это же казнь, поэтому я не могу даже представить, как ты можешь связывать её с моим замужеством? – Борис уставился на неё, и девушка поспешила добавить: – Я хочу сказать, что я польщена возможностью стать женой принца Цзяна из Питории, и прослежу, чтобы все детали свадьбы прошли согласно плану, и не важно, увижу ли я, как кому-то оттяпают голову, или нет.

Гарольд задумался на несколько мгновений, а затем спросил:

– Но почему что-то может пойти не по плану?

– Всё пройдёт по плану, – пообещал Борис, – отец не позволит ничему помешать свадьбе.

Это было правдой. От Кэтрин требовалось тщательное соблюдение всех деталей плана, и именно поэтому она была здесь. Примерно неделю назад девушка совершила ошибку, сказав своей служанке Диане, что она, Диана, возможно, сможет выйти замуж по любви. Когда же Диана спросила принцессу, за кого бы она вышла замуж, если бы могла выбирать, Кэтрин пошутила: «За кого-то, с кем я говорила хотя бы один раз», а затем добавила: «За кого-то

умного, внимательного и заботливого». При этих словах она вспомнила, как в последний раз разговаривала с Эмброузом, когда он сопровождал девушку на конной прогулке. Он пошутил о качестве еды в казармах, затем посерьёзней и принялся описывать нищету в столичных переулках. Диана словно бы прочитала её мысли и произнесла: «У вас сегодня был довольно продолжительный разговор с сиром Эмброузом».

На следующий день после этого разговора Борис вызвал к себе Кэтрин, и девушка поняла, что её служанка была не столько её служанкой, сколько соглядатаем Нойеса. Кэтрин выдержала довольно продолжительную лекцию и допрос от своего брата, но к её ответам тщательнее прислушивался Нойес, хоть тот и устроил целое представление из своего поведения, небрежно привалившись к стене и позёвывая время от времени. Нойес даже не был лордом, едва ли в его жилах вообще текла благородная кровь, но от его кривой ухмылки у Кэтрин душа уходила в пятки. Девушка боялась Нойеса раза в два сильнее, чем своего брата. Нойес был доверенным лицом её отца, его шпионом, его глазами и ушами. Борис, конечно, тоже пользовался расположением короля, но всегда был удивительно предсказуем.

Во время их разговора Борис повторял обычные слова о безоговорочной преданности и послушании, и Кэтрин была довольна тем, что ей удавалось оставаться спокойной.

– Я всего лишь нервничаю, как нервничает любая невеста перед свадьбой. Я никогда не видела принца Цзяна. Точно так же, как я пытаюсь быть самой лучшей дочерью для моего отца, я надеюсь, что стану хорошей женой для Цзяна. И я не могу дожидаться возможности увидеть его, поговорить с ним, узнать его получше, услышать об его интересах.

– Его интересы не должны тебя заботить. Что заботит меня, так это то, что ты не имеешь права выражать мнение, перечашее королю.

– Я никогда не позволяла себе в чём-то перечить отцу.

– Ты намекала своей служанке, что тебе могли бы подобрать жениха и получше, и что ты не хочешь выходить замуж за принца Цзяна.

– Нет, я всего лишь предположила, что замужество Дианы может быть успешным в другом ключе.

– Для тебя непозволительно не соглашаться с планами короля.

– Я не соглашаюсь с тобой, а не с планами короля.

– Я часто задаюсь вопросом, – перебил их Нойес, – в какой момент рождается предатель? Где в точности пересекается грань между верностью и предательством?

Кэтрин выпрямилась.

– Я не пересекала никаких граней.

И она не пересекала никаких граней, она не сделала ничего, кроме того, что думала об Эмброузе.

– По моему опыту... и, поверьте, принцесса Кэтрин, у меня крайне значительный опыт в этой области, – пробормотал Нойес, – по моему опыту, предатель в мыслях и сердце довольно скоро становится предателем на деле.

И по тому, как он смотрел на неё, казалось, будто бы он действительно мог прочесть её мысли. Но Кэтрин устала от него в ответ и произнесла:

– Я – не предательница. Я выйду замуж за принца Цзяна.

Кэтрин знала, что это правда. Совсем скоро она станет женой человека, которого никогда не встречала, но она не могла запретить своему разуму и своему сердцу быть в другом месте. Не помогало и то, что она постоянно думала об Эмброузе, любила их беседы, исхитрялась быть рядом с ним и, да, однажды даже коснулась его руки. Конечно, если бы Эмброуз коснулся её, его бы казнили, но она не видела причин, почему она не могла касаться его. Но неужели эти мысли и одно прикосновение и правда были предательскими деяниями?

– Лучше всего чётко представлять себе, где пролегает эта грань, принцесса Кэтрин, – тихо произнёс Нойес.

– Я вполне чётко это представляю, спасибо, Нойес.

– Я бы также хотел не оставлять никаких сомнений касательно последствий, – он небрежно, почти пренебрежительно махнул рукой, – и поэтому вы обязаны посетить казнь норвендского изменника и своими глазами увидеть, что бывает с теми, кто предаёт своего короля.

– Наказание, предупреждение и урок, и все они довольно удобно соединены в одном флаконе, – Кэтрин повторила жест Нойеса.

– Это воля короля, ваше высочество, – не моргнув глазом, ответил Нойес.

К сожалению, на следующий же день после этого допроса с Дианой случилась досадная неприятность. Она споткнулась на каменной лестнице, сломала руку и не смогла больше выполнять свои обязанности. Сара и Таня, – две другие служанки Кэтрин – были рядом с Дианой во время происшествия, но почему-то не смогли предотвратить падения.

– Мы полностью согласны с Нойесом, ваше высочество, – с улыбкой произнесла Таня, – предатели должны быть наказаны...

Крики: «Брэдвелл! Брэдвелл!» вернули Кэтрин в настоящее.

На ступенях эшафота стояло двое мужчин, одетых в чёрное. Пожилой протянул руку к толпе. Его юный и, на удивление, невинный помощник нёс инструменты их ремесла – меч и простой чёрный капюшон.

– Это Брэдвелл, – совсем некстати пояснил Гарольд, наклонившись к Кэтрин поверх Бориса. – Он провел более сотни казней. Сто сорок одну казнь, если я не ошибаюсь. И ему ни разу не потребовался второй удар.

– Сто сорок одна казнь, – эхом откликнулась Кэтрин. Интересно, сколько из них посетил Гарольд.

Брэдвелл ходил по эшафоту, размахивая своей рабочей рукой, словно бы разминал плечевые мускулы, и качая головой из стороны в сторону. Гарольд закатил глаза:

– Проклятье, он выглядит нелепо. Эту работу следовало бы отдать Гейтакру.

– Если я не ошибаюсь, маркиз Норвендский сам потребовал Брэдвелла, и король согласился, – произнёс Борис. – Норвенд хотел, чтобы казнь прошла без запинок, и посчитал Брэдвелла идеальным кандидатом на роль палача. Но в этом деле нет никаких гарантий.

– Гейтакр тоже всегда рубит головы с одного удара, – возразил Гарольд.

– Я согласен с тобой. Я бы и сам выбрал Гейтакра. Брэдвелл кажется уже старомодным. И всё же, если он облажается, это зрелище станет ещё интереснее.

При упоминании маркиза Норвендского взгляд Кэтрин метнулся на противоположный край эшафота, к другой смотровой площадке. Настолько открыто обсуждать других людей казалось девушке рискованным, но теперь, когда Борис сам затронул эту тему, она могла спросить:

– А это там не маркиз Норвендский на другой платформе, в зелёном камзоле?

– Он самый. И весь клан Норвенд вместе с ним, – ответил Борис, хотя Кэтрин заметила, что на казни присутствуют только мужчины семьи. – Вся родня предателя должна наблюдать за его казнью. По правде говоря, они должны требовать смерти предателя, в противном случае они утратят свои титулы и земли.

Кэтрин хорошо знала законы.

– А что с их честью?

Борис фыркнул:

– Они пытаются цепляться за неё, но, если уж они не могут уследить за своими, им придётся побороться, чтобы сохранить своё положение при дворе.

– Честь и положение при дворе это одно и то же, – ответила Кэтрин.

Борис взглянул на сестру:

– Как я и сказал, они с трудом цепляются и за одно, и за другое. – Он отвернулся к противоположной платформе и добавил: – Как я погляжу, твой страж там, вместе с ними. Хорошо хоть он не надел форму.

Кэтрин не осмелилась это комментировать. Эмброуз действительно был без своей формы королевского гвардейца, но вот было ли это проявлением верности к королевской семье или же неуважения к ним? Принцесса знала, что у него своё понимание чести. Он говорил, что хочет поступать правильно, что хочет защищать Бригант и помочь вернуть величие страны – не ради себя, а ради помощи всем прозябающим в нищете жителям королевства.

Она заметила Эмброуза ещё когда занимала своё место. Тогда она заставила себя отвести взгляд, но теперь, когда Борис упомянул его, принцесса могла позволить посмотреть на него чуточку дольше. Его бело-золотистые в солнечном свете волосы были распущены и мягкими волнами спадали на лицо и плечи. Он был одет в чёрный камзол с кожаными ремнями и серебряными пряжками, чёрные брюки и сапоги. Его лицо было мрачным и бледным. Эмброуз устался на палача и не обращал на Кэтрин никакого внимания.

Кэтрин смотрела на Эмброуза столько, сколько она могла смотреть на любого другого мужчину, затем заставила себя отвести взгляд. Но его образ остался с ней: его волосы, его плечи, его губы...

Из-за эшафота показалась вереница придворных. По тому, как они отступали назад и кланялись, было очевидно, что там идёт её отец. Сердце Кэтрин лихорадочно забилось. Она жила в уюте и безопасности, в крыле королевы, вместе со своей матерью и служанками, и неделями, а то и месяцами могла не видеть своего отца. Для Кэтрин, единственной дочери короля, его общество было редким и случайным событием.

Показался король. Он шёл быстрым шагом, его красно-чёрный дублет подчёркивал широкие плечи, его высокая шляпа добавляла ему роста. Кэтрин быстро вскочила на ноги и смиренно наклонила голову, присев в глубокий реверанс. Она находилась на платформе над королём, но её голова должна была быть ниже его. Каким бы высоким ни был её отец, ей пришлось изрядно изогнуться, чтобы оказаться ниже его. Кэтрин глубоко втянула живот, её бёдра напряглись в полуприседе. Корсет больно впился в талию. Девушка сосредоточилась на дискомфорте, зная, что переживёт его. Краешком глаза она видела короля. Отец запрыгнул на королевский помост, шагнул вперёд, и над увидевшей своего повелителя толпой разнёсся долгий, медленный клич: «Алоизий! Алоизий!»

Борис выпрямился, и Кэтрин, выждав два дополнительных удара сердца, тоже подняла голову. Король не двигался. Он оглядывал толпу и никак не показывал, что вообще заметил свою дочь. Затем он уселся рядом с Гарольдом, на его стуле за мгновение до этого появились красные подушки, призванные смягчить предстоящее королевскому седалищу бремя. Кэтрин выпрямилась, ощущая облегчение в желудке. Гарольд тоже выпрямился и на какое-то мгновение замешкался, застыв неподвижно, и только потом занял свое место, хотя Кэтрин не сомневалась, что её младший брат в восторге от того, что сидит по соседству с королём. Девушка дождалась, пока сядет Борис, затем разгладила юбку и снова заняла своё место.

С этого момента всё стало происходить очень быстро. В конце концов, король не славился терпением. На эшафоте показались новые люди. Там было четверо мужчин в чёрном, ещё четверо в форме стражников, и между ними, едва видимая за их фигурами, стояла узница.

Толпа глумилась и кричала: «Изменница!» Затем: «Шлюха!» и «Сука!» и другие слова – куда, куда хуже.

Кэтрин было знакомо значение этих слов, и иногда она встречала их в книгах, но никогда, никогда она не слышала, чтобы кто-то, даже Борис, произносил их вслух. А теперь они раздавались повсюду вокруг неё. Эти слова имели больший вес, чем она думала, и это были совсем не красивые, поэтические или умные слова, но напротив – примитивные и вульгарные, они хлестали по лицу словно пощёчины.

Кэтрин снова заметила Эмброуза, неподвижно стоящего напротив неё. Лицо её охранника исказилось, пока толпа издевалась и оскорбляла его сестру. Кэтрин зажмурилась.

– Ты не смотришь, сестрица, – прошипел ей на ухо Борис, – ты здесь, чтобы посмотреть, что бывает с предателями. Это для твоего же блага. Так что, если ты не повернёшься к эшафоту, я лично буду держать твои веки открытыми.

Кэтрин не сомневалась в искренности его слов. Она открыла глаза и снова повернулась к эшафоту.

Леди Анна Норвендская была одета в платье из голубого шёлка с серебряным кружевом. Её драгоценности поблескивали в солнечном свете, а собранные в пучок светлые волосы сияли золотом. В обычные дни леди Анна считалась красавицей, но сегодня был далеко не обычный день. Сегодня она была болезненно худой, её кожа побледнела, без поддержки стражников она вряд ли бы устояла на ногах. Но заметнее всего был её рот – толстые чёрные нити протянулись от верхней губы к нижней. Её рот был зашит, а подбородок и шея покрылись коркой засохшей крови. Ей уже вырвали язык. Кэтрин хотела снова посмотреть на Эмброуза, но не осмелилась, она бы не вынесла ещё раз увидеть его таким. О чём он думает, увидев свою сестру в таком виде? Кэтрин уставилась в направлении леди Анны и поняла, что секрет кроется в том, чтобы сконцентрироваться на стражнике, держащем осужденную, сосредоточиться на том, какие толстые у него пальцы и как крепко он сжимает свою подопечную.

Королевский глашатай шагнул вперёд и, обратившись к толпе, потребовал тишины. Когда шум утих, он начал зачитывать написанное в свитке, перечисляя преступления леди Анны. «Заманивание женатого мужчины в искушение» касалось отношений леди Анны с сиром Освальдом Пенсом. «Игнорирование призыва к королю» означало попытку побега с сиром Освальдом, когда Нойес со своими людьми пришли за ними. «Убийство людей короля» значило именно это, и как бы не было трудно в это поверить сейчас, леди Анна лично заколола одного из королевских солдат в схватке, оставившей после себя три трупа, включая сира Освальда. Убийство было основной причиной казни. Убийство одного из людей короля равносильно убийству самого короля – это была государственная измена, потому, подытоживая свою речь, глашатай произнёс: «И за измену Бриганту и нашему доблестному королю».

Толпа обезумела.

– Изменница, убийца и шлюха будет лишена всего своего имущества, которое отойдёт Короне.

Один из одетых в чёрное мужчин подошёл к леди Анне и стал снимать с неё украшения одно за другим. Каждый раз, когда он касался очередной драгоценности – броши, кольца или браслета, – из толпы доносились радостные возгласы и крики. Каждая вещь складывалась в шкатулку, которую держал ещё один человек. Когда все драгоценности были сняты, мужчина взял нож и разрезал платье леди Анны сзади. Когда платье сорвали с плеч осужденной, из толпы донёсся свежий возглас. Осужденную почти сшибли с ног, но страж поднял её и крепко держал стоя. Толпа снова захлебнулась криком, словно свора гончих, и начала скандировать: «Раздевай! Раздевай! Раздевай!»

Леди Анна осталась в своём нижнем белье, прижимая тонкую ткань к груди. Её руки тряслись, и Кэтрин увидела, что пальцы осужденной сломаны и изуродованы. Сначала принцесса не могла понять – почему, но затем до неё дошло, что всё это часть ритуала казни предателя. Осужденным за измену не позволялось общаться с верными подданными короля, поэтому им вырывали языки и зашивали рты. Но поскольку все придворные дамы в Бриганте могли переговариваться знаками, когда им не было дозволено говорить вслух, леди Анне переломали и пальцы.

Один из мужчин распустил осужденной волосы – длинные, тонкие и бледно-жёлтые. Он зажал их в кулак и отрезал у основания шеи. Волосы тоже отправились в шкатулку. Наконец леди Анна оказалась почти раздетой. Несмотря на летнее солнце, несчастная дрожала, её разо-

рванное платье казалось почти прозрачным и прилипло к ногам в том месте, где узница обмочилась. Казалось, даже достоинство леди Анны было отнято в пользу короля.

Отвернувшись от леди Анны, глашатай повернулся к противоположному помосту:

– Что вы скажете этой предательнице?

Вперёд выступил маркиз, высокий седоволосый человек.

Он выпрямил спину и прочистил горло.

– Ты предала свою страну и своего доблестного короля. Ты предала мою семью и меня самого, нас, верных слуг короля, которые вырастили тебя и доверяли тебе. Ты предала моё доверие и имя моей семьи. Лучше бы ты вообще не появлялась на свет. Я отрекаюсь от тебя и требую, чтобы тебя казнили как предательницу.

Кэтрин следила за реакцией леди Анны. Несчастливая уставилась на своего отца и, казалось, встала ровнее. Следом, друг за другом, пять других родственников мужского пола – двое дядей, двое двоюродных братьев и старший брат леди Анны Таркин, очень похожий на Эмброуза мужчина с такими же светлыми волосами – выступили вперёд, в схожей манере отреклись от изменницы и потребовали её смерти. Толпа криком приветствовала каждое отречение, а затем затихала в ожидании следующего родственника. И с каждым разом леди Анна, казалось, становилась всё выше и увереннее. Чем больше они унижали её, тем больше она хотела показать им силу своего характера.

Последним настал черед Эмброуза. Он открыл рот, но ни одного слова не вырвалось наружу. Его брат подошёл к нему и что-то сказал. Кэтрин по губам прочла слова Таркина. «Пожалуйста, Эмброуз. Ты должен сделать это».

Эмброуз сделал вдох, затем отчётливым, но едва слышным голосом произнёс:

– Ты предала Бригант и своего короля. Я требую твоей казни.

Таркин положил руку на плечо брату. Эмброуз продолжал смотреть на леди Анну, по его щекам стекали слёзы. Толпа безмолвствовала.

– Кажется, он плачет, – произнёс Борис. – Он слаб, как женщина.

Леди Анна, однако, не плакала. Вместо этого она приложила руку к сердцу. Простой знак любви к Эмброузу. Затем она повернулась, и её взгляд встретился со взглядом Кэтрин. Леди Анна взмахнула правой рукой, словно утирала слезу, а затем её левая рука метнулась к сердцу. Это было столь плавное, столь скрытное движение, что его едва можно было заметить. Но Кэтрин читала знаки с детства, и этот она выучила одним из первых. Он означал: «Следи за мной». Затем леди Анна сделала правой рукой знак поцелуя, а левая рука её устремилась вниз и согнулась в попытке сжаться в кулак. Кэтрин нахмурилась. Кулак перед пахом означал гнев, ненависть, угрозу. Использовать его в паре с поцелуем было странно. Затем другой знак: «Мальчик». Леди Анна повернулась к королю и сделала ещё один жест, но держащий её руку мужчина заслонил его.

Кэтрин не была знакома с леди Анной, она никогда не разговаривала с ней. Вообще всего раз видела сестру Эмброуза при дворе. Кэтрин так много времени провела внутри своих покоев, что других женщин она встречала почти так же редко, как и мужчин. Не привиделись ли ей эти знаки?

Леди Анну вывели вперёд и заставили опуститься на колени на низком деревянном настиле. Предательница опустила глаза, но затем её глаза снова встретились с глазами Кэтрин, и в выразительности этого взгляда не было никаких сомнений. Что она пыталась сказать за считанные мгновения до своей смерти?

Брэдвелл, палач, теперь надел свой капюшон, но его рот всё ещё оставался видимым, и он произнёс:

– Смотри вперёд, иначе я не обещаю, что справлюсь за один удар.

Леди Анна повернулась лицом к толпе.

Брэдвелл занёс меч над головой. Солнечный свет отразился от клинка и попал Кэтрин прямо в глаза. Толпа затихла. Палач сделал шаг вперёд, а затем в сторону, по всей видимости, примеряя угол удара. Затем он шагнул леди Анне за спину, один раз описал мечом круг у себя над головой, ступил на полшага ближе, снова взмахнул мечом над головой, а потом одним плавным движением ударил снизу вверх с такой скоростью, что никто и не заметил момента удара.

Голова леди Анны со стуком упала на помост и откатилась к краю эшафота. Из шеи медленно оседающего тела фонтаном била кровь. Радостный возглас толпы словно кулаком ударил Кэтрин, и девушка пошатнулась на своём стуле.

Брэдвелл шагнул вперёд, забрал голову и за волосы поднял её. Послышался клич: «Насади её». Помощник палача шагнул вперёд, держа в руках пику, и толпа ещё больше ожилилась.

Каким-то образом, сквозь эшафот и вопящую толпу Кэтрин смогла встретиться взглядом с Эмброузом. Она не сводила с него глаз, ей хотелось утешить его и выразить свои соболезнования. Она хотела, чтобы он знал, что она не похожа на своего отца или брата, что она здесь не по своей воле, что, несмотря на невероятную дистанцию между ними, она переживает за него.

– Ты не смотришь на леди Анну, сестрица, – прошипел ей на ухо Борис.

Кэтрин повернула голову. Голова леди Анны была насажена на пику. У подножия эшафота стоял Нойес, на его губах играла полуулыбка, пока он переводил свой взгляд с принцессы на Эмброуза. И Кэтрин осознала, какой же дурой она была. Это было не наказание, не предупреждение и даже не урок.

Это была ловушка.

Эмброуз *Бриган, Бригант*

– Неужели ты не можешь хотя бы раз в жизни поступить так, как я велю?

Прямо как в старые времена. Когда Эмброуз ещё жил в родительском доме, отец регулярно вызывал его в свой кабинет, чтобы отчитать за то или иное непослушание. И вот, спустя два года после того, как юноша покинул родные пенаты, он снова стоял перед столом своего отца. Но теперь всё обстояло иначе. На время визита в столицу отец снял не привычную элегантную усадьбу, а ветхую виллу. Отец так же выглядел потрёпанным. Его лицо слегка осунулось, возле глаз стало больше морщинок, и, несмотря на весь свой гонор и шум, он казался меньше. И, разумеется, было ещё одно существенное отличие – Анна была мертва, её голова насажена на пику на городском мосту.

– Имейте хотя бы порядочность ответить мне, сир!

– О каком конкретном повелении вы столь беспокоитесь, отец?

– Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю. Я сказал тебе, что именно ты должен произнести в отречении, и я велел тебе казаться искренним.

– Ну, как оказалось, в данном случае я не смог сделать так, как ты велел.

– Да что это с тобой, Эмброуз? – отец оттолкнулся от стола и покачал головой.

– Что это со мной такое, что я не смог отречься от моей сестры? Понятия не имею, сир. Возможно, всё дело в том, что я верю, что она была хорошим человеком. Хорошей сестрой и хорошей дочерью. Меня куда больше волнует вопрос, как ты смог отречься от неё, причём отречься настолько убедительно.

Лицо маркиза окаменело.

– Ты столь же дерзок, как и наивен, Эмброуз. Ты – мой сын, и я жду от тебя большего.

– А Анна была твоей дочерью. Я ожидал большего от тебя. Ты должен был защищать её ценой своей жизни.

– Ты – мальчишка. Не смей говорить мне, что мне следовало делать, – отец понизил голос. – Она убила одного из людей короля. Нам повезло, что на эшафот взойшла только она. Король ищет любого повода увеличить свои доходы. Мы могли потерять всё.

– Что ж, я рад, что ты знаешь свои приоритеты, – фыркнул Эмброуз, – какое облегчение, должно быть, сохранить свои земли, даже потеряв собственную дочь.

– Ты заходишь слишком далеко, Эмброуз. Я предупреждаю тебя. Остановись немедленно.

Но Эмброуза уже было не остановить.

– И я бы не стал беспокоиться о том, что ты лишишься благосклонности короля. Ты так красиво отрёкся от Анны. Не сомневаюсь, что король, Нойес и весь двор впечатлены твоими словами, твоими манерами, твоей верностью. В конце-то концов, что для тебя значат собственные истина, доблесть или честь.

Отец вскочил на ноги:

– Убирайся! Убирайся отсюда, пока я не велел тебя высечь!

Эмброуз уже шёл к выходу. Хлопнув дверью, он решительно двинулся по коридору. Таркин кинулся к нему навстречу.

– Вас было слышно даже во дворе.

Эмброуз прошёл мимо. Выйдя на улицу, он понял, что ему некуда идти. Юноша остановился и, взревев от разочарования, принялся раз за разом бить кулаком в стену.

Подожёл Таркин, встал рядом. Он смотрел и морщился. И ждал, пока Эмброуз успокоится.

Наконец, Эмброуз остановился и стер кровь и покалеченную кожу с костяшек пальцев.

– Да что с ним не так? Всего несколько слов, и вот я уже бью стены и ломаю собственные кулаки!

– Он скучает и волнуется за тебя. Хотя, должен признать, он крайне странным образом проявляет свою заботу. Подозреваю, что и ты скучаешь по нему... и тоже проявляешь свои чувства крайне странным образом.

Эмброуз усмехнулся.

– Приятно видеть, что ты не утратил способность улыбаться.

Эмброуз прислонил голову к каменной кладке.

– Не так уж много поводов для улыбок последнее время.

– Как и у всех нас, – Таркин положил руку на плечо брату. – Твой отец любил Анну. По-прежнему любит. Её казнь очень сильно на нём сказалась.

– И, тем не менее, он всё равно отрёкся от неё.

– А что ещё ему оставалось, Эмброуз? Её признали виновной. Если бы отец не отрёкся от неё, король бы отнял все наши владения. Пострадали бы все жители Норвенда, которые зависят от твоего отца. Король бы выиграл куда больше. Твоему отцу пришлось быть убедительным.

Эмброуз не нашёлся с ответом. Он потёрся головой о грубую каменную кладку.

– Анна бы поняла его, Эмброуз. Она знала закон не хуже всех остальных. Она знала, что отец любит её. То, что случилось, неправильно, но не вини его.

– Но то, что они с ней сделали...

Эмброуз много раз представлял себе, как люди Нойеса пытаются его сестру, воображал себе её боль и все оскорбления, которые ей пришлось пережить. И всё же в конце она стояла с гордо выпрямленной спиной. Он так ей гордился. Её ум и независимость вдохновляли его, хотя большинство лордов не сочли бы подобные качества достоинствами. Анна выделялась из числа бригантских женщин, она была необычной даже по мужским меркам. Она много путешествовала, и в Питорию, и дальше. Она разговаривала на нескольких языках и помогла Эмброузу с Таркином выучить питорийский. Эмброуз с теплотой вспоминал их уроки, вспоминал, как она подбадривала его, повторяя: «Нет, это должно звучать более гортанно, словно бы из самой глотки», а потом говорила Таркину: «Ну не стой ты столбом – твои руки и тело также участвуют в разговоре».

А её собственные руки, которые двигались столь плавно и элегантно, в конце были переломаны. Её острый язык вырван, а улыбочивые губы навечно сшиты воедино. О чём Анна думала, пока они пытали её? Хотела ли умереть так быстро, как это только возможно? Скорее всего. Перед казнью её продержали в заточении три недели. Каждый день, должно быть, они пытали её. Перед казнью она была такой худой. А он мог только смотреть... и тоже отречься от неё.

Эмброуз почувствовал объятия Таркина и только тогда осознал, что снова расплакался. Он заговорил, тихо, не сводя взгляда с каменной стены.

– Я не верю в то, что она виновна. В смысле, я могу поверить, что она убила солдата, но она могла так поступить только из самозащиты. Но я не верю, что она и сир Освальд были любовниками. Они были друзьями с детства, он поощрял её стремление к учёбе. Она восхищалась им и ценила как друга. И в любом случае, с каких это пор короля волнует, кто с кем спит? Будь это так, половина двора уже очутилась бы в подземельях. Хотя я понятия не имею, что они делали так далеко на западе. Этого так толком и не объяснили. Здесь замешано что-то ещё, я уверен в этом.

Таркин ответил почти неслышно:

– Я тоже не верю в то, что нам рассказали правду, Эмброуз, но я не настолько глуп, чтобы признаться в этом кому-то, кроме тебя.

– Хочешь сказать, что я глупец?

– Ты благороден и правдив, Эмброуз. И я восхищаюсь тобой.

– Сочту это за «да», – улыбнулся Эмброуз сквозь слёзы.

Но Таркин был совершенно серьёзен.

– Никто из нас не знает, что в действительности произошло с Анной или сиром Освальдом, но что бы это ни было, это явно было направлено против короля. Я только что потерял сестру, я не хочу лишиться ещё и брата. Я знаю, что тебе было практически невозможно отречься от Анны, но было совершенно очевидно, что ты не веришь в собственные слова. Этих мелочей бывает достаточно, чтобы погубить человека, если они направлены против короля. Верность – это всё, чего он хочет и ожидает. Абсолютная преданность.

– А как насчёт верности моей сестре? Она ничего не значит?

– Ты же знаешь, Алоизий верит, что он превыше всего.

– Так ты думаешь, что я обречён?

Таркин покачал головой.

– Нет, но я думаю, что тебе сейчас опасно оставаться в Бригане.

– Сейчас везде опасно.

– Неправда. Но здесь нам не рады. При дворе почти никто не рискует встретиться с отцом взглядом, ещё меньше людей готовы с ним заговорить. С момента нашего приезда никто ещё не пригласил отца на ужин, и ни один человек не принял наши приглашения навестить нас здесь – у всех внезапно обнаруживаются другие неотложные дела.

– Отец может считать себя счастливым. Все они двуличные крысы. Я бы не стал доверять никому из них.

– Быть изгоем – не самая приятная вещь, Эмброуз. Без союзников при дворе мы слабы. Дома, среди наших людей, мы будем в большей безопасности. – Таркин глубоко вздохнул. – Завтра мы с отцом возвращаемся в Норвенд. Почему бы тебе не отправиться с нами? Дома ты окажешься вдали от Королевской гвардии, двора и короля.

– Я обязан находиться здесь. Я поклялся защищать принцессу и не стану убегать.

Таркин вздохнул.

– Ты обязан. Вот ещё одна опасная вещь, братец. Я видел тот взгляд, которым вы обменялись с принцессой во время казни. Ты слишком очевидно выражаешь свои чувства, Эмброуз, они написаны у тебя на лице большими буквами. Нойес и принц Борис тоже заметят их. Нойес замечает всё.

– Так что же, теперь я даже не могу ни на кого взглянуть, чтобы меня не обвинили в преступлении?

Всё, что он сделал, – лишь посмотрел на принцессу Кэтрин. Он должен был посмотреть на неё. Король и Борис торжествовали, но не Кэтрин. Она была печальной, но спокойной. Этот взгляд помог ему справиться с собственной грустью и болью.

Эмброуз видел Кэтрин почти каждый день, когда стоял на страже возле её покоев, когда сопровождал во время конной прогулки, порой они даже перебрасывались парой фраз. Эмброузу нравилось, как она улыбается и смеётся. Ему нравилось, как она отвечает на подначки Бориса, с умом, остроумием и задором. Ему нравилось, как Кэтрин ведёт себя с разными людьми, как она выводит из себя Бориса, но только с Эмброузом она была милой, ласковой и заботливой. По крайней мере, насколько ему было известно, она поступала так только с ним. И неужели это неправильно, что его так раздражает мысль, что принцесса Кэтрин может быть милой и ласковой с другими мужчинами? Ему нравилось, как она вставляет свою изящную ногу в стремя, как уверенно и прямо держится в седле. А ещё он с теплотой вспоминал тот жаркий день в конце прошлого лета, когда она загнала свою лошадь в море, а затем, с выражением совершенной свободы и неистовой одичалости, со смехом соскочила с лошади и принялась плавать вокруг неё. Он пришёл в отчаяние, когда Борис прослышал об этом и на две недели запретил сестре прогулки верхом. Она ни разу больше не плавала. Эмброуз боялся, что

каким-то образом они смогут уничтожить Кэтрин точно так же, как уничтожили Анну. И всё же, пока им никак не удавалось сломить её. Кэтрин была столь же сильна, как её отец и брат.

Таркин ткнул его локтем в бок.

– Как я и говорил, у тебя все чувства на лице написаны, и я могу назвать эти чувства «любовью».

– Восхищение, уважение и, признаю, в какой-то степени тёплые чувства – вот что ты можешь увидеть у меня на лице, – Эмброуз ткнул Таркина в ответ, но не смог удержаться от улыбки.

– Что ж, постарайся, чтобы все видели именно это. И постарайся, чтобы тёплых чувств было как можно меньше.

– Не переживай брат, скоро эти тёплые чувства сменятся полнейшей скукой. Через неделю принцесса Кэтрин покинет Бригант, чтобы выйти замуж за принца, а я останусь здесь, простой солдат и стражник.

– И всё же тебе нужно быть осторожнее, Эмброуз. Нойес пристально за тобой наблюдает.

– Прекрати беспокоиться! Даже Нойес не сможет казнить меня за взгляд.

Марш *Калия, Калидор*

Марш молча стоял возле стола с напитками. Предполагалось, что он будет смотреть прямо в противоположную стену, но незначительного поворота головы вправо было достаточно, чтобы увидеть всё, что ему было нужно.

Лорд Риган вместе с принцем Телонием сидели в алькове в дальнем конце комнаты. Принц наклонился к Ригану, почти заискивающе глядя на него, почти прося вместо того, чтобы командовать. Риган потер лицо рукой и коротко кивнул. Принц откинулся назад и громко произнёс:

– Отлично. Мои благодарности, – после чего потребовал: – Напитки!

При этих словах принца Марш повернул голову обратно и снова уставился в стену.

Затем он взял графин с вином и серебряный поднос с виноградом и направился к двум мужчинам. Он прямо-таки чувствовал разницу в их настроении. Принц всё ещё выглядел уставшим. За те несколько недель, что прошли с момента смерти его жены и юных сыновей, он постарел лет на десять. Однако теперь в его глазах не было воцарившейся там пустоты, он почти улыбался. Принц Телоний почти не принимал посетителей, даже лорда Ригана с момента их напряжённого разговора после похорон он держал на расстоянии. Но в последние несколько дней всё изменилось. Принц стал вставать раньше, он одевался, принимал ванну, внятно говорил, а прошлой ночью потребовал послать за Риганом.

Марш налил вина. С момента смерти жены принц начал пить в течение дня. Немного, но каждый день, и эта привычка и не думала исчезать.

– Мне воды, – распорядился Риган.

Марш поставил поднос с виноградом на стол и проворно вернулся к своему месту. Забрал кувшин с водой и предпочёл взять деревянную миску с орехами вместо блюда с сушеными яблоками, выглядевшими весьма неаппетитно. Затем Марш медленно двинулся обратно к двум мужчинам, на ходу изучая говоривших.

Хотя поведение принца улучшилось, настроение лорда Ригана явно осталось неизменным. Риган, самый доверенный, близкий и старейший друг принца, был типичным калидорским лордом – привлекательным тем, чем привлекательны богатые, могущественные, сильные и здоровые люди. Но сейчас его лицо было нахмурено. Мрачное выражение лица подходило ему ничуть не меньше улыбки. Ему всё было к лицу. Сегодня Риган был одет в золотистый бархатный дублет, который поблескивал в лучах солнца и подчеркивал ширину плеч лорда, в точности как это делали изящно плетенные кожаные ремни, которые по диагонали пересекали его грудь и опускались к бёдрам. Ремни, на которых висели его ножи. Риган был единственным человеком, которому позволялось носить оружие в присутствии принца. Он был единственным, кому дозволялось хмуриться, когда принц улыбался.

Марш осторожно поставил миску на стол, слегка подвинул поднос с виноградом в сторону и в последний раз поправил миску с орехами.

– Твой дикарь сегодня не намерен спешить, – прорычал Риган.

– Выпусти свой гнев на меня, а не на него, друг мой, – ласково ответил Телоний.

Марш медленно налил воды. Он с радостью бы плеснул её в лицо Ригану, но вместо этого сконцентрировался на медленном и стабильном потоке, позволяя словам Ригана просочиться мимо.

Марш привык к нерегулярным пренебрежительным ремаркам в свой адрес, хотя лорды редко опускались для того, чтобы лично комментировать слугу. Обычно Марш устаивался весьма мягких оскорблений – «шуточек» о том, что принц «выдрессировал» его, или же титула

«последний из абасков». Иногда к нему проявляли искренний интерес, хотя в основном всех привлекали его глаза. Люди смотрели ему прямо в глаза, после чего выражали свое мнение, обычно словами «Потрясающе» или «Отвратительно». В прошлом месяце один молодой лорд потребовал, чтобы Марш стоял на свету, дабы вельможа смог лучше рассмотреть его. Свое пожелание лорд объяснил так:

– Я слышал, что у абасков ледяные глаза, но в твоих помимо белого я вижу также голубой и серебряный. – А закончил он свою тираду словами «крайне неприятно».

Иногда люди говорили, будто бы думали, что всех абасков убили. Марш тоже так думал, пока не встретил Холивелла.

– Я не сержусь, – ответил лорд Риган, – но разве я не могу возразить?

Маршу, со скоростью улитки возвратившемуся на свое место возле стола, показалось, что гнев даже заставил лорда повысить голос.

– Ты – мой друг. Мне нужна твоя помощь. Я прошу тебя, как друга, – принц настолько повысил голос, что его слова также доносились до ушей Марша.

– А что потом? Что, по-твоему, случится потом? Тебя уважают, но это не то же самое, что привезти какое-то абаскское отродье прислуживать за столами.

Ответа принца Марш не расслышал, поскольку слишком яростно думал: «Да пошёл ты, да пошёл ты!»

Риган, разумеется, был прав. Принца Телония уважали, а Марш действительно был всего лишь слугой, фактически рабом. Принц представлял собой цивилизацию и благородство, Марш являл собой всё примитивное и бескультурное. У принца была репутация человека, склонного к мудрости, чести и справедливости. За абасками закрепилась репутация горных троллей.

Марш работал на принца восемь лет – половину своей жизни. О своей родине и своём народе он узнал от калидорцев. Ему больше не от кого было узнать это, поскольку все абаски были уничтожены во время войны между Калидором и Бригантом. Принц Телоний получил престол Калидора из рук своего отца и отказался уступить его своему брату, королю Алоизию Бригантскому, после смерти отца. Затем они боролись, как могут бороться только братья, их ненависть становилась только яростнее от того, что они оба были одной крови. А ещё они боролись, как это могут делать только правители – при помощи армий.

Это была неравная битва. Бригант был больше и сильнее, а Алоизий был куда более опытным лидером. Но у Телония было нечто такое, чем никогда бы не смог похвастаться Алоизий – любовь своего народа. Телоний хорошо обращался с жителями Калидора, следил за тем, чтобы налоги взимались честно, а законы исполнялись мудро и справедливо. Алоизий правил Бригантом ужасом и жестокостью. Калидорцы боялись Алоизия и любили Телония.

Абаск – прекрасный, маленький горный регион, ставший родиной Марша, лежал на границе между двумя королевствами и всегда считался частью Калидора. Когда Алоизий вторгся на земли своего брата, его армии огнём и мечом проложили путь сквозь Абаск, направляясь к Калии, столице Калидора. Армия Телония была практически повержена. Принц созвал все оставшиеся силы в город, для защиты столицы. Телонию удалось удерживать Калию дольше года, после чего он контратаковал и отбросил армии Алоизия обратно до границы с Бригантом, после чего, наконец, был заключен мир.

Бригант был в отчаянии, его сокровищница опустела, а армия поредела. Калидор был изнеможён, но его жители ликовали – им удалось отбить нападение более сильного врага, они одержали славную и достойную победу против всех шансов. Связи с саваантами на юге укрепились ещё больше, и в последующие годы торговля возросла. Калидорские фермы и виноградники процветали, и города были отстроены заново. Мало кого из калидорцев волновало, что случилось с горными абасками. Да и не осталось почти никого из абасков, о ком следовало бы волноваться. Абаскские воины были уничтожены ещё во время первых сражений войны,

когда враги заполонили Абаск, а уцелевшие были оставлены умирать от голода или попали в рабство к бригаантийцам.

Когда началась война, Маршу было семь лет, его собственные воспоминания об этом периоде были весьма смутными. Он помнил, как ему сказали о смерти отца, он помнил, что в какой-то момент его мама и сёстры умерли, но он не был точно уверен, в какой именно. В основном он помнил, как его старший брат, Джулиен, держал его за руку, когда они отправлялись на поиски еды. Он не мог в точности вспомнить это чувство голода, но он точно помнил, что голодал, потому что память сохранила воспоминания о том, как Марш ел траву. Но в основном он помнил только то, как держался за руку Джулиена и шёл день за днём до тех пор, пока однажды Джулиен не рухнул замертво, а какие-то возвращавшиеся с границы калидорские солдаты не забрали его от мёртвого тела брата и не привезли в тёплый и безопасный лагерь принца Телония.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.